

Научная жизнь

XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения в Париже

5–8 сентября 2012 г. в Париже прошла XIX конференция Европейской ассоциации китаеведения (ЕАК). Это уже третий в истории ЕАК научный форум в столице Франции (в 1976 г. там состоялась первая конференция ассоциации). Организаторами выступили Университет Дидро (Университет Париж 7), Национальный институт восточных языков и цивилизаций (INALCO) и Университетская библиотека языков и цивилизаций (BULAC). Число участников приближалось к 400, около 25% из них представляли Азию и США. Это дало организаторам основания заявить о том, что конференция начинает обретать глобальный характер.

На конференции работали 12 тематических секций, состоялось около 100 секционных и пленарных заседаний, в некоторые дни их число доходило до 30. Они были посвящены проблемам политики и международных отношений Китая, современной китайской экономики, права, социологии и антропологии, СМИ и интернета, религии и философии, китайской литературы, преподавания китайского языка, исследований переводов, археологии, древнекитайской истории, истории республиканского Китая, истории 1940-х — 1950-х гг., лингвистики, искусства, классического театра, кино, гендерных исследований, образования.

Форум прошел под девизом «Деконструкция Китая: новый опыт, новые перспективы», соединившим синологию с национальной интеллектуальной традицией — автором теории деконструкции был выдающийся французский философ XX в. Жак Деррида. Хотя некоторые участники конференции упоминали в своих докладах о попытках «деконструировать» изучаемый материал, сами организаторы конференции отмечали, что речь идет скорее о метафоре, чем об исследовательской программе. Изначально адресованная разделенной на противоположности западной философии «деконструкция» стала синонимом критики и разрушения традиции, однако подавляющее большинство участников конференции не собирались делать с китайской культурой ничего подобного.

Главным организатором конференции был сравнительно молодой Университет Дидро (основан в 1970 г.). На открытии конференции к собравшимся обратились проректор университета по международным связям **Фредерик Оги**, глава оргкомитета конференции профессор **Жиль Гийо** (Университет Дидро), президент Национального Института восточных языков и цивилизаций **Жак Легран**, руководитель Центра изучения Китая этого института **Кристин Ламар**, куратор китайской коллекции Университетской библиотеки языков и цивилизаций **Солин Сушэ**.

Основной научный доклад на церемонии открытия сделал патриарх французской синологии **Леон Вандермерш** (род. в 1928 г.). Его размышления о коррелятивном мышлении в китайской мысли были посвящены синологам Марселю Гранэ, Энгюсу Грэму и Джозефу Нидэму — все они внесли заметный вклад в изучение уникальных особенностей китайского мышления. Вандермерш представил свою точку зрения, указав, что китайские гадательные практики не были протонаукой, выведенной из коррелятивного мышления. Напротив, это примитивное гадание трансформировалось в протонауку, которая стала катализатором для возникновения в Китае коррелятивного мышления вместо каузативного, как на Западе. Хотя к гаданию по трещинам на костях и панцирях в древности обращались многие народы, лишь в протокитайских культурах произошла радионализация этой практики и превращение примитивной магии в протонауку. Стандартизация гадательных узоров вела к четкому определению конфигураций (направление горизонтальной черты рядом с вертикальной линией), развивались мышление по аналогии и спекулятивное осмысление космологических причин.

Докладчик подчеркнул, что из гадательных схем выросли китайский письменный язык и гексаграммы, позднее эта история была стерта из памяти мифами об изобретателях письменности — Фу Си и Вэнь-ване. Но не было забыто, что иероглифы придумали для службы власти, а тогда самой главной службой было гадание. В древней форме написания иероглифы *ши* — «история» и «дело» — были взаимозаменяемы, они изображали руку, которая держит кисть. Однако эта кисть была предназначена не для письма, а для акцентировки гадательных трещин. Предсказатели наблюдали формы трещин и регистрировали их, что привело к созданию иероглифической письменности; при этом выявление соответствия наблюдаемого материала прогнозируемым феноменам осуществлялось на базе морфо-логики коррелятивного мышления. Развитие этого типа мышления привело к тому, что в Китае царицей наук была не физика, как на Западе, а медицина, в которой симптомы коррелируют с болезнью. В заключение Вандермерш заметил, что повышению внимания к коррелятивному мышлению будет способствовать отмеченное Нидэмом движение «к очищению механической ньютоновской вселенной через лучшее понимание природной организации».

Присутствие на конференции большого числа молодых ученых, аспирантов и студентов продемонстрировало заметное омоложение членов ЕАК. Свидетельством преемственности поколений сиологов стал заключительный отборочный тур конкурса молодых ученых, состоявшийся во второй части пленарного заседания. Жюри присудило победу **Роз Холмс** (Университет Оксфорда) — ее доклад «Колонны из жира» был ошеломляющим и по выбору темы и по содержанию презентации, которую собравшиеся увидели на экране. Рассмотрев различные образцы выполненных из жира, металла и структурированных материалов произведений (их было бы точнее назвать конструкциями) современных китайских скульпторов и сравнив их с традиционными резными китайскими колоннами, Холмс резюмировала, что подобные современные образцы создаются для того, чтобы подчеркнуть материальность современной цивилизации и китайской культуры.

Затем начались секционные заседания. Французы, преуспевшие в социологии, уделили большое внимание этой дисциплине. Наибольший интерес вызвало заседание социологической подсекции «Потребление и социальная стратификация». Ее руководитель **Жиль Гийо** выделил в качестве лейтмотива ее проведения изучение потребительской составляющей китайского социума периода модернизации и потребление как выражение самоидентификации современных китайцев. **Томас Бутоннэ** (аспирант Университета имени Жана Мулена, Лион) в выступлении «Белизна как предмет потребления: реклама социальных различий в контексте Китая» отметил, что белая кожа традиционно означала в Китае более высокий социальный статус. Характеризуя модернизацию как фор-

мирование новых глобальных жизненных стандартов, он пришел к заключению, что в настоящее время «белокожесть» стала символом западного образа жизни в китайском обществе потребления. Это успешно используется рекламной индустрией, дублирующей стандарты глобализации для пропаганды нового идеала образа жизни западного среднего класса.

Основой для доклада **Натали Клод-Солье** из Университета Экс-Марсель — «Шанхайские *сяоцзы* (мелкая буржуазия) и их тела» — стали опросники, размещенные в Интернете. Сравнивая времена Мао, когда происходила стандартизация тел в эгалитарном обществе, и современный период, когда молодые городские жители проявляют всевозможную заботу о своих телах, она пришла к выводу, что *сяоцзы* в процессе поиска личного счастья руководствуются не только методиками фитнеса, но и даосскими концепциями гармоничного взаимоотношения индивида со своим телом.

Работу подсекции завершил обстоятельный доклад **Жиля Гийо** «Потребление и социальная интеграция». Базируясь на широком круге литературы китайских и французских социологов, он рассмотрел потребление как инструмент социальной интеграции и формирования среднего класса в КНР, придя к выводу, что оно ведет не только к интеграции, но и к социальной сегрегации.

Жан-Батист Петье (Высшая школа социальных наук, Париж) в докладе «Поиски идеалов — недоверие, споры и стратегия выбора партнера в современном Китае» обратился к проблемам морали в китайском обществе на основе изучения трансформации критериев для отбора партнера в городской среде. В центре внимания оказались *сянцинь* — встречи родителей для поиска спутника жизни своим отпрыскам, в 2000-е гг. такие собрания появились в городских парках по всему Китаю. Докладчик провел интервью с собирающимися в парках родителями и пришел к выводу, что это явление отражает социальные проблемы. В частности, возникает вопрос сочетания материальных требований и идеала: многие молодые люди могут найти себе партию сами, или уже нашли ее, но семья хочет подыскать партнера еще лучше. При этом участники встреч проникнуты недоверием к другим родителям и постоянно опасаются обмана.

Кун-Энг Куа-Пирс (Университет Гонконга) рассказал о китайской стратегии формирования среди богатых культуры филантропии как ответа на рост социального неравенства и народных протестов. В отличие от Запада, китайское государство не допускает появления независимых благотворительных структур. Власти обеспечивают свое влияние через законы о благотворительности, механизмы регистрации, требования партнерства благотворительных структур с организацией-*даньвэй*, ежегодные проверки, итогом которых может стать отзыв регистрации или безналогового статуса. По мнению докладчика, в Китае происходит интеграция филантропии в государственную политику социального обеспечения, это «управляемая филантропия», которая функционирует как государственно-частное партнерство. Деньги будут жертвовать тем организациям, кто легитимен и за кем стоит государство; примером организованной площадки являются ярмарки благотворительности в Гуанчжоу, где корпорации-жертвователи встречаются с филантропическими организациями. В качестве примера филантропии под руководством государства докладчик рассмотрел строительство «школ надежды» в сельской местности под эгидой Китайского фонда развития молодежи. За 1990–2011 гг. было построено около 3,4 тыс. школ, теперь Китай готовится к проведению «филантропической дипломатии» в рамках «Проекта надежды для Африки».

На секции «Международные отношения» было заслушано 16 докладов. Два заседания носили тематический характер, они были посвящены проблемам «мягкой силы» и «возвышения Китая»

Клаудия Занарди (Лондонский Кингс-колледж, факультет изучения войн) поставила вопрос о том, что представляет собой развитие Институтов Конфуция за рубе-

жом — успешный инструмент «мягкой силы» Китая или чрезмерно амбициозную программу. Докладчик отметила, что значение этих институтов нужно оценивать в контексте использования Китаем «мягкой силы» для улучшения имиджа страны за рубежом. В основе проекта не было долгосрочного плана, вместо этого применяется специфически китайский подход: испытание новой идеи на практике, изучение результата и последующие действия в более широком масштабе. Институты Конфуция быстро растут и все еще недостаточно изучены, по мнению исследователя, в ближайшем будущем китайские власти усилят работу по специализации Институтов Конфуция. Однако ее реализация возможна лишь в крупных мегаполисах (если в Лондоне есть Институты Конфуция, специализирующиеся на медицине, искусстве и бизнесе, то, к примеру, в Эдинбурге провести такую диверсификацию нереально). Другим направлением работы китайской стороны является переход от создания отдельных «точек» к организации сетей связей между Институтами Конфуция как внутри отдельных стран, так и в масштабах всей Европы.

Следующий докладчик **Пьер-Анри де Брюн** (Центр французских исследований Китая, Гонконг), говоря о проблеме восприятия Китая, отметил, что страх перед «желтой угрозой» был в Европе еще при Наполеоне и кайзере, а западные исследователи ранее предлагали концепции, схожие с «мягкой силой». В середине XX в. Эдвард Карр полагал, что «власть над мнением» неотделима от военной и экономической мощи, а Стивен Льюкес в 1977 г. ввел понятие «третьего измерения власти». Идеи «мягкой силы» можно найти в китайских понятиях о культуре (*вэньхуа*), содержащей идею трансформации (*хуа*), силе добродетели (*дэ*) и ритуале (*ли*) как инструменте распространения «мягкой силы» через образованную элиту. Докладчик оценил создание Институтов Конфуция как распространение «мягкой силы» через неморальную лингвистическую стратегию. Китайская политика государственного вмешательства вызывает за рубежом критические замечания, напоминающие прежние опасения «желтой угрозы». По мнению докладчика, ответом могла бы стать некая новая концепция влияния, сформулированная в китайских понятиях, например, создание сети связей (*гуаньси*). Новый китайский лозунг строительства «могущественного культурного государства» выступающий охарактеризовал как свидетельство перехода к концепции «умной силы» (*smart power*).

Сигне Овергард (Университет Южной Дании) выделила ряд особенностей китайской «мягкой силы», отметив, что она обращена не только вовне, но и внутрь страны (*self-soft power*), дабы внушить людям гордость за то, что они — китайцы. Докладчик рассказала, что в период проведения ЭКСПО-2010 в Шанхае знаменитая «Русалочка», являющаяся всемирно известным символом Копенгагена и всей Дании, отсутствовала в течение десяти месяцев. Хотя скептики полагали, что подлинник не покидал пределы страны, гости ЭКСПО стояли в многочасовых очередях чтобы посмотреть на скульптуру — и это стало проявлением датской «мягкой силы». Овергард также пояснила, что «Сучжоуская улица» в парке Тиволи в датской столице никак не связана с китайским культурным наступлением в Европе. Она была построена по решению администрации парка на собственные средства в память о «китайском павильоне», существовавшем в Тиволи 200 лет тому назад.

Доклад **Доминика Мержеевского** (Университет Лодзи) был посвящен особенностям внешнеполитического языка китайских лидеров различных поколений. **Лай Хуньи** (Школа исследований современного Китая, Ноттингемский университет) подробно рассказал о начатом им с коллегами исследовательском проекте «Китай в глобальном и внутристрановом управлении», призванном проследить как меняющуюся роль КНР в глобальном управлении, так и взаимосвязь этого процесса с эволюцией системы политического и экономического управления в самой стране.

Остальные представленные на секции доклады были менее взаимосвязаны по тематике. Тем не менее, взятые в целом, они вполне адекватно отразили изменения по-

следних лет в позиционировании КНР на мировой арене и более активный, а подчас и более жесткий стиль ее внешней политики.

Мугурел Злотя, представлявший Университет Бухареста, но работающий журналистом и недавно перебравшийся в этом качестве из Китая в Индию, определил изменения в китайском политическом дискурсе формулой «от жертвы к победителю». Если еще совсем недавно КНР позиционировала себя прежде всего как жертву политики империалистических держав, то с ее возвращением на международную арену в качестве нации, с которой считаются все, акцент перенесен на успехи внутренней политики страны и обретение Китаем нового статуса в мире.

Профессор **Ольга Алексеева** (Университет Квебека, Монреаль) проанализировала нередкие конфликты между Китаем и расположенными ниже по течению Меконга странами, связанные с водопользованием. Меконг поддерживает жизнь 60 млн чел., давая питьевую воду, обеспечивая транспортировку грузов, ирригацию, рыболовство и т.п. Строительство Китаем пяти плотин на верхнем участке реки на его территории уже привело к резкому сокращению уровня воды в Меконге ниже по течению, засухам и снижению популяции многих видов рыбы. В этом регионе, полагает Алексеева, связь между энергетикой, экологическими проблемами и геополитикой становится все более тесной, формируя пусть локальный, но крайне сложный для распутывания «гордиев узел».

По мнению **Кармен Мендес** (Университет Коимбры, Португалия), большинство стран-участниц Форума торгово-экономического сотрудничества португалоязычных стран с Китаем положительно оценивают взаимодействие с Пекином. Исключение составляет Бразилия, предпочитающая выстраивать отношения с КНР в двустороннем формате. Она не имеет своего постоянного представительства в Форуме, а ежегодные встречи посещает консул Бразилии в Гонконге. В процессе работы над проектом Мендес посетила все страны Форума (Бразилию, Анголу, Макао, Мозамбик, Кабо-Верде, Тимор-Леште) за исключением Гвинеи-Бисау, где произошел государственный переворот. Впрочем, поскольку отстраненные лидеры страны переместились в Португалию, подробно побеседовать по теме исследования удалось и с ними.

В.Я. Портяков (ИДВ РАН) выступил с докладом «О некоторых особенностях внешней политики КНР в 2009–2011 гг.» (текст доклада был опубликован в журнале «Проблемы Дальнего Востока». № 2. 2012); поездка на конференцию ЕАК была поддержана РГНФ (грант 12–03–00376 «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина»).

Торстен Вебер (Университет Фрайбурга, Германия) рассмотрел различие и эволюцию китайской и японской концепций «Азии». По его мнению, ранее китайская политическая мысль мало интересовалась Азией, «азианизмом», уделяя определенное внимание Восточной Азии. Сейчас ситуация меняется, интерес к Азии заметно растет, и главная функция «Азии» в китайском политическом дискурсе состоит в критике Запада, неолиберализма и т.п. Напротив, Япония исторически уделяла «Азии» огромное внимание, стремясь возглавить ее, однако в послевоенный период ей пришлось «оставить Азию и повернуться лицом к Западу». Вебер полагает, что сегодняшний Пекин в известной мере унаследовал «азиатское наследие» Японии, но стремится выстроить «Азию» в естественной для себя китаецентричной манере.

В рамках конференции прошли два заседания секции по экономике. **Линь Юэ** (Мадрид) проанализировал инвестиции КНР в Латинской и Центральной Америке. Здесь преобладают предприятия, созданные бизнесменами из регионов Китая, а не продвигаемые центром. Только 15% из 623 предприятий с китайским капиталом в Латинской Америке действуют в сфере перерабатывающей промышленности. **Д.А. Смирнов** (ИДВ РАН) выступил с докладом, посвященным 20-летию поездки Дэн Сяопина на юг Китая, давшей в 1992 г. импульс к активизации рыночных реформ.

Традиционно важное место на конференции ЕАК занимали проблемы духовной культуры Китая, параллельно работали две секции — «Философия» и «Философия и религия». На философской секции выступавшие уделили большое внимание доциньскому даосизму и наследию Чжуан-цзы, сунскому неоконфуцианству. Были представлены доклады, посвященные идеям Чжу Си, Лу Цзююаня, Ван Аньши. Отдельная подсекция была посвящена изучению древних философских текстов, на другом заседании темой для специального обсуждения с участием трех докладчиков стала категория *чжун-верность*. На секции «Философия: легитимизация власти» российский исследователь **А.Э. Терехов** (Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург) представил доклад «Восприятие мифа о чудесном рождении в Китае в I в. н.э.».

На подсекции «Философия: двоевластие или узурпация» профессор **Мишель Найлон** (Университет Беркли, США), ученица британского синоведа Майкла Лоуи, выступила с докладом на тему: «Императорские дворы Западной Хань: совещательные или абсолютные монархии?». Профессор **Ханс ван Эсс** (Мюнхенский университет) и исследовательница **Беатрис Л'Аридон** (Университет Дидро) посвятили свои доклады вопросам характера власти императора и высших сановников в раннеимператорском Китае.

Секция «Философия и религия» также была разбита на множество тематических подсекций. Особый интерес вызвала работа одной из них — «Религии: даосизм», на которой с докладом «Изучение истории даосизма нового времени» выступил известный французский религиовед **Винсент Гуссар** (Национальный центр научных исследований — Практическая школа высших исследований, Париж). Его фундированный доклад был посвящен новейшим научным разработкам, результатам и перспективам развития историографии в этой области. Остановившись на характеристике монографий по четырем выделенным им темам: храмы и ритуалы, социальная история, региональная история, распространение даосизма в Юго-Восточной Азии в процессе глобализации, Гуссар сделал вывод о том, что в настоящее время даосизм в КНР отделен от общества, хотя в конце империи занимал достаточно прочные позиции.

Кроме того, Гуссар являлся руководителем подсекции «Религии во Франции», в которой приняли участие главным образом исследователи из числа китайских эмигрантов, рассказывавшие о стремительном распространении китайских религиозных верований в этой стране. Один из них, **Цзи Чжэ** из Национального Института восточных языков и цивилизаций (Париж), в контексте социо-культурного влияния религии на глобализацию проанализировал феномен роста с конца 1980-х гг. буддийских организаций и мест поклонения последователей этой религии во Франции в процессе увеличения китайской эмиграции.

На подсекции «Религии: современность» прозвучал сопровождавшийся презентацией доклад **С.А. Горбуновой** (ИДВ РАН) «Настоящее и будущее китайских студентов — религиозных верующих». На фоне соотношения неверующей и верующей молодежи (последователей пяти официально признанных в КНР религий) из различных высших учебных заведений главное внимание было уделено одной из наиболее динамично развивающихся в КНР конфессий — протестантизму, в том числе в студенческой среде. Сделан вывод, что выпускники высших учебных заведений именно из числа протестантов имеют в будущем неплохие шансы для трудоустройства в иностранных или совместных компаниях.

В рамках философско-религиозной секции состоялось углубленное обсуждение наследия двух доциньских мыслителей — Мо Ди и Гунсунь Луна. Подсекцию «Многие Мо-цзы для различных времен» открыло выступление профессора **Карин Дефорт** (Лувенский католический университет, Бельгия). Она поставила вопрос о том, откуда появились «десять тезисов» Мо-цзы, прежде всего идея «всеобщей любви» (*цзянь ай*), в централизованном виде отражающих программные установки мыслителя. Их перечисле-

ние можно найти повсюду в современных учебниках, но прежде в китайской традиции такого консенсуса не было. На основании подсчета количества появлений «тезисов» в сердцевинных главах текста первоисточника К. Дефорт отметила, что встречаются они там довольно редко. Сами названия глав могли быть добавлены в ходе работы над реконструкцией текста, проходившей под влиянием других древних памятников («Мэн-цзы», «Люйши чунью», «Сюнь-цзы»). Докладчик сделала вывод, что современная интерпретация не является ошибочной, однако следует помнить о том, что она опирается на выборочное прочтение фрагментов китайскими комментаторами в конце XIX в. на фоне увлечения западной философией.

Тему продолжили две аспирантки из Лувенского католического университета. **Ли Тин-мянь** указала на различные трактовки положения моизма при династии Хань, сосредоточив внимание на фрагментах из «Хуайнань-цзы». Она отметила, что автор «Хуайнань-цзы» хорошо знал идеи Мо-цзы и поддерживал их, однако общая направленность изложения была призвана подчеркнуть превосходство мудрости Лао-цзы. **Анник Гийсберс** в своем докладе проанализировала спор о моизме между двумя китайскими интеллектуалами XX в. — Хоу Вайлу и Го Можо, отметив, что разные интерпретации существовали в рамках одной марксистской идеологии. Было отмечено, что трудности с оценкой «восприятия духов» (*мин гуи*) у Мо-цзы восходит к началу XX столетия и предпринятым тогда попыткам найти в моизме эквивалент западной мысли. Го Можо пошел вопреки этим стремлениям, подчеркнув у Мо-цзы поклонение Небу и духам, традиционализм, отсутствие научного начала, принятие деспотизма и подчинение судьбе. Хоу Вайлу выступил против этих оценок, подчеркнув важность идеи «возвышения мудрых», реформаторство, научность, демократизм и эгалитарность учения Мо-цзы. Докладчик попыталась проследить истоки формирования обеих позиций и их взаимное влияние.

В программу секции «История» были включены заседания, посвященные рассмотрению проблем истории республиканского Китая. Работающие в Университете Нагоя (Япония) **Ян Тао** и **Хосино Юкё** выступили с докладами, отражающими работу над исследовательским проектом по СМИ и пропаганде в период войны (1937–1945). В докладе Ян Тао освещалась деятельность драматических трупп, которые выступали с гастролями по Китаю и занимались антияпонской пропагандой среди населения. Докладчик восстановил маршруты, по которым следовали эти труппы, проанализировал источники их финансирования, обратил внимание на отличие новой аудитории от той, для которой актеры выступали до войны в крупных городах. Хосино Юкё посвятила свой доклад рассмотрению театрально-художественной деятельности Лиги защиты Китая, основанной Сун Цинлин в Гонконге в 1938 г. Лига активно участвовала в пропагандистской работе в период антияпонской войны китайского народа и сотрудничала как с политотделом Военного комитета гоминьдана, так и с коммунистами. В патриотической работе Лиги принимали участие известные китайские художники, актеры, певцы. Докладчик рассказала о благотворительных концертах, организованных Лигой в Чунцине и Гонконге в 1940 г., о совместной деятельности Лиги с артистами балета и оперными певцами, а также о влиянии артистической деятельности Лиги на развитие китайского танца и классической музыки в послевоенный период.

Вонг Син-кионг (Национальный университет Сингапура) рассказал о деятельности У Ляньдэ (1879–1961) — известного врача, который родился в Юго-Восточной Азии, учился в Европе и внес значительный вклад в развитие медицины в Китае. Он получил известность во время борьбы с эпидемией чумы в Маньчжурии в 1910 г., с 1912 по 1930 гг. возглавлял там службу по борьбе с чумой, а впоследствии был директором карантинной службы Китая. Заслугой У Ляньдэ было создание в Китае более двадцати больниц и медицинских учебных заведений.

В докладе «Закон одно, а добродетель — другое» **Брайна Гудман** (Орегонский университет, США) проанализировала соотношение юридических и моральных факторов в нашумевшем деле 1922 г. — в Шанхае в редакции либеральной газеты «Шанбао» покончила с собой молодая женщина по имени Си Шанчжэнь. Члены семьи обвинили ее работодателя Тан Цзечжи в доведении до самоубийства, присвоении денег покойной через махинации с акциями на бирже и принуждении ее к любовным отношениям. Дело вызвало огромный резонанс, попытки Тана рассказать о том, что вложенные на бирже средства были потеряны из-за снижения курса ценных бумаг, успеха не имели — финансовые вопросы были непонятны публике и не входили в сферы тогдашнего правового регулирования. Самоубийство Си Шанчжэнь спровоцировало волну рассуждений о морали, чести и правах женщин, оказавших большое влияние на судьбу подсудимого — Тан вышел из тюрьмы через четыре года после истечения срока заключения. По мнению докладчика, произошло смешение морали и права, а в деле Тан Цзечжи проявился правовой популизм. Вместе с тем 1920-е гг. были в Китае периодом «юридического просвещения», когда выходило много популярной литературы о законодательстве.

Очень интересный материал представила в своем докладе **Риика-Леена Юнтунен** (Университет Оулу, Финляндия), рассказавшая о деятельности финских миссионерских станов в начале XX в. в провинции Хунань, которая к тому времени еще не была «оккупирована» протестантскими проповедниками из других стран. Докладчик затронула проблему привнесения местным населением в деятельность миссионерских станов новых социальных функций, ориентированных на извлечение пользы за пределами проповеди вероучения. Миссионерский стан как нейтральная зона был нужен тем китайцам, у кого было мало шансов на успех в жизни. Они стали приютом для бездомных, источником помощи при стихийных бедствиях, служили местом для укрытия в период волнений, для неустroенных представителей низших слоев образованного класса это была возможность соприкосновения с современной культурой. Доклад был основан на уникальных фотоматериалах из архива Финского миссионерского общества и вызвал большой интерес у слушателей.

В докладе **А.В. Ломанова** (ИДВ РАН) «Ху Ши в Москве: советский опыт глазами китайского либерала» была рассмотрена проблема восприятия социалистической модели известным китайским сторонником западного пути развития. В 1926 г. китайский общественный деятель и мыслитель Ху Ши по пути в Европу провел в Москве всего три дня, ему были представлены достижения советского общества, что отразилось в его дневниковых записях. Ху Ши оценил серьезность планов советского руководства и похвалил СССР за успехи в развитии образования, однако к коренному изменению его взглядов это не привело.

Одно из заседаний секции по истории было посвящено теме: «Служение государству: профессионализация общественных наук и гражданская служба в Китае в 1937–1957 гг.». **Ма Теюнь** (Университет Лондона, Великобритания) выступила с докладом «Министерство социальных дел, китайские социологи и интернационализация социальной политики в Китае в военный период». Это ведомство было создано в 1939 г., в его компетенцию входили вопросы государственной политики, связанной с призывом в армию и управлением трудовыми ресурсами. В состав нового министерства вошли молодые социологи, овладевшие социологическими методами, используемыми в странах Европы и США. Они стремились использовать эти методы в Китае, приспособив их к условиям военного периода. Докладчик проследила карьеру нескольких работников министерства, продемонстрировав, как их профессиональное образование повлияло на социальную политику ведомства.

Хелен Шнейдер (Вирджинский технологический институт, США) в докладе «Профессиональные круги китайских женщин: карьеры в сфере социального обеспече-

ния с 1930-х — 1940-х гг.» сосредоточилась на деятельности менее известных образованных китайских женщин, занятых проведением реформ в социальной сфере. По мнению докладчика, их участие в социальной работе в период войны Соппротивления стало поворотным моментом в вовлечении женщин в государственное строительство. Хотя деятельность женщин-профессионалов среднего звена, социальных работников, государственных служащих не нашла отражения в биографических словарях, их активная работа сыграла важную роль в изменении отношений между государством и обществом.

Дженнифер Альтехенгер (Кингс-колледж, Лондон) осветила деятельность женщин-юристов в начальный период после образования КНР (1949–1957 гг.), когда высококвалифицированные специалисты были призваны на службу новым государством. Некоторые из этих женщин были приглашены на работу в Министерство юстиции, другие стали профессорами в университетах и принимали участие в подготовке проектов законов. Докладчик проследила карьеру четырех женщин-юристов (Ши Лян, Тань Тиу, Лэй Цзецюн и Ван Жуци) со времени образования КНР до начала кампании борьбы с «правыми элементами». По мнению докладчика, хотя все они были членами Федерации женщин, их вклад в развитие страны не ограничивался «работой с женщинами», перво-степенное значение имела их деятельность как профессионалов-юристов.

Феликс Бекинг (Эдинбургский университет) выступил с докладом «Китайские экономисты между государством и рынком: экономика военного времени, новая демократия и кампания «пусть расцветают сто цветов» (1937–1956)». Он поставил задачу проанализировать деятельность экономистов в начальный период после образования КНР в свете их деятельности в годы войны, когда в экономической политике делался акцент на государственном регулировании. По мнению докладчика, после образования КНР власти привлекали экономистов к решению острых проблем борьбы с инфляцией и контроля над ценами с учетом имевшегося у них практического опыта военного времени. В докладе были рассмотрены биографии некоторых известных экономистов, которые начали научную деятельность в республиканском Китае, а в 1980-е гг. успели внести свой вклад в разработку политики реформ.

Подводя итоги работы секции, **Тим Райт** (Университет Шеффилда) отметил, что в последнее время китаеведы уделяют все большее внимание изучению экономики и общественных наук Китая военного времени, этот период перестал быть «белым пятном». Он выявил общие темы, поднятые всеми докладчиками — преемственность раннего этапа существования КНР и периода 1930-х — 1940-х гг., получение многими социологами и экономистами профессионального образования за границей, попытку применить эти знания и адаптировать их к китайской реальности. Райт также обратил внимание на яркие биографии ученых-экономистов и социологов, проживших долгую жизнь и проявивших себя на разных этапах развития Китая.

На другом заседании исторической секции исследователь из Испании **Анна Бускетс** (Открытый университет Каталонии, Барселона) выступила с докладом «Морские силы Чжэн Чэнгуна: устремления Коксинга и Риччо». Она представила новые данные о том, что после изгнания голландцев с Тайваня прославленный полководец Чжэн Чэнгун планировал распространить свое влияние на морские просторы вплоть до Филиппинских островов, находившихся под контролем Испании. Для исполнения своих планов он остановил свой выбор на служившем в провинции Фуцзянь миссионером-доминиканцем Викторио Риччо, который по его поручению совершил несколько поездок на Филиппины. Содержание доклада было основано на документах из архивов доминиканского ордена.

Очень интересный ракурс исторической компаративистики был представлен в докладе **Моники де Тоньи** (Туринский университет, Италия) «Ненасилие в Китае: Мохандас Карамчанд Ганди в китайской прессе». Докладчица показала наличие в Китае

разных подходов к оценкам личности и деятельности М.К. Ганди в различные периоды истории.

Н.А. Самойлов (СПбГУ) представил доклад «Маймайчэн и Кяхта в XVIII — первой половине XIX вв.: ключевая точка российско-китайского социокультурного взаимодействия», в котором он обратил внимание слушателей на необходимость применения новых методологических подходов и методов исследования при изучении процессов социокультурного взаимодействия России и Китая. Докладчик подчеркнул, что на определенных этапах этого взаимодействия очень существенной оказывается роль «аттракторов» (ключевых точек), фокусирующих в себе основное содержание этих процессов. Кяхта и Маймайчэн выступали в качестве такого рода аттракторов на протяжении полутора столетий.

Себастьян Гериг (Гейдельбергский университет, Германия) остановился на проблемах отношения КНР к двум германским государствам в период «холодной войны».

Секция «История до Нового времени» стала одной из самых представительных по числу докладов, касающихся самых разных аспектов многовековой культурно-исторической традиции Китая. На подсекции «Под властью монголов» прозвучала чрезвычайно актуальная идея о необходимости переосмыслить и по-новому оценить эпоху монгольского владычества в Китае. Докладчики проанализировали пути адаптации различных социальных слоев китайского общества, прежде всего интеллектуальной элиты, к новым историческим реалиям, обусловленным монгольским нашествием. Японский исследователь **Томоясу Иняма** (Университет Васэда) предпринял попытку осветить процесс формирования новой образованной элиты в северном Китае во время монгольского завоевания. На основании изучения источников юаньской эпохи он пришел к выводу: несмотря на то, что государственные экзамены на чиновничьи должности не проводились на протяжении жизни трех поколений, представители «ученого сословия», тем не менее, быстро адаптировались к новой субординации, установленной монгольской администрацией. При этом положение китайских чиновников оставалось шатким: существенный карьерный рост было возможно обеспечить посредством протекции монгольских князей, однако после смерти покровителя карьере в любой момент мог прийти конец.

В докладе **Ван Цзиньпина** (Пенсильванский университет, США) «Из семьи в монастырь: неунывающие женщины Северного Китая во время монгольского завоевания XIII в.» было рассмотрено положение женщин и их роль в деятельности даосской школы *цзюаньчжэньдао* («Учение совершенной истины»). Женщины из знатных чжурчжэньских кланов помогали организаторам даосских школ заручиться поддержкой местных властей, по инициативе женщин из простых семей возводились монастыри для вдов и осиротелых девочек, а жены высокопоставленных чиновников под покровительством женщин из императорской монгольской семьи лично руководили некоторыми направлениями деятельности школы. Культ целомудрия, пропагандировавшийся конфуцианством, содержал призыв к самоубийству, тем самым принятие даосского пострига в десятилетия смуты и насилия первой половины XIII в. оставалось практически единственной возможностью выжить для вдов и сирот.

Сообщение исследователя **Ли Сук-хи** (Ратгерский университет, США) было посвящено взаимодействию государства и местных элит в южном Китае во время правления монгольской династии Юань (1271–1368). Автор подверг сомнению стереотипное представление о том, что монголы не привнесли существенных изменений в общественную жизнь Юга, а если и оказали влияние — то только негативное.

Выступления группы ученых из Национального университета Сингапура продемонстрировали новую трактовку некоторых конкретных сюжетов истории династий Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) на примере деятельности ученых того времени. **Ко Кхи-**

хёнг сосредоточился на проблеме взаимодействия неоконфуцианских идей, местных культов и ритуала в среде влиятельного клана Ли, наиболее ярким и талантливым представителем которого был ученый-неоконфуцианец Ли Гуанди (1642–1718). В докладе профессора **Онг Чанг-вуй** было проиллюстрировано то, как напряженная политическая борьба, разжигаемая различиями в риторике Севера и Юга, повлияла на процесс формирования взглядов минского ученого Ли Мэньяна (1473–1529), который сформулировал идею о необходимости следования образцам древности и противопоставил ее существовавшей литературной традиции.

Содержание докладов, представленных на подсекцию «Новые перспективы в изучении ранних письменных источников», в полной мере отразило основные тенденции и проблемы в изучении огромного массива обнаруженных в процессе археологических раскопок текстов, число которых непрерывно пополняется за счет новых открытий. На секции обсуждались новые подходы методологического и концептуального характера. Немецкий синолог **Энно Гиле** (Гейдельбергский университет, Германия), известный составлением подробного списка опубликованных эпиграфических надписей III в. до н.э. — III в. н.э., резонно обратил внимание на трудности подбора подходящей терминологии в отношении надписей обнаруженных погребальных комплексов. Он предложил вычленив из эпиграфического массива надписи, сделанные после смерти погребенного лица, т.е., по словам самого Гиле, «написанные специально для усопшего», в противоположность тем текстам, которые взяли из существовавших при жизни покойного документов и просто перенесли в могилу во время похорон. Он осуществил описание и анализ этой категории надписей и соотнес их с остальной частью текстов, найденных в гробницах.

М.Е. Кузнецова-Фетисова (ИВ РАН) представила на подсекции по древней и средневековой истории доклад «Хронология великого города династии Шан: археология, эпиграфика и письменные источники». Докладчик представила свои оценки хронологии столицы правителей дома Шан по китайским источникам и сравнительную периодизацию гадательных надписей на костях, охарактеризовала современное состояние археологических работ на месте древнего города, расположенного в нынешней провинции Хэнань.

Буквально детективной историей обернулся доклад молодой исследовательницы **Го Цзюэ** (Гейдельбергский университет, Германия). На основе превосходно сохранившихся бамбуковых дощечек из могилы № 2 эпохи Борющихся царств в Баошани она проследила последние годы жизни чиновника по имени Шао То, которые сопровождались постоянными гаданиями и жертвоприношениями, проводимыми из-за обеспокоенности по поводу болезни чиновника. Уникальное сочетание документов административного характера и сакрального назначения позволяет провести детальную реконструкцию всех сфер жизни чиновника Шао То: общественную, личную, политическую и религиозную. Автор предложила новый метод интерпретации погребальных надписей, согласно которому проведение таких практик, как предсказания, жертвоприношения, молитвы, исцеление имело культурную, социальную и психологическую функции и отражало религиозную жизнь большинства.

На тематической подсекции, посвященной труду и различным профессиям в императорском Китае, были представлены интересные доклады по гендерной проблематике, которая по-прежнему не теряет своей притягательности и актуальности. Авторитетная исследовательница **Харнет Цюрндорфер** (Лейденский университет, Нидерланды), главный редактор журнала «Men, Women and Gender in China», обратилась к казалось бы хрестоматийному сюжету о положении проституток и куртизанок («певичек» — по определению отечественной историографии) в позднеминском обществе. Однако оказалось, что при Мин «певички» вновь, как и в танское время, вращались в среде литерату-

ров и ученых, усилиями которых статус «певичек» в обществе существенно повысился. **Донателла Гуида** (Восточный университет Неаполя, Италия), заместитель главного редактора журнала «Ming-Qing yanjiu», проделав кропотливую работу с широким кругом источников (правовых документов, газет, художественной литературы) показала судьбы служанок императорского дворца цинской эпохи: условия их жизни, обязанности, наказания и поощрения.

Женская тема была продолжена на подсекции «Гендер» в совместном исследовании **Анны Бускетс и Мурьель Гомес Прада** (Открытый университет Каталонии, Барселона) «Китайки и японки в испанских текстах XVI — XX вв.», выполненном на стыке таких научных дисциплин, как история, антропология и имагология. **Ю.С. Мыльникова** (СПбГУ) выступила с докладом на тему: «Женщина как жертва в сексуальных преступлениях и как субъект ответственности в семейных правонарушениях в эпоху Тан-Сун» (подсекция «Право»).

Большой интерес вызвал «круглый стол» на тему «Изучение отношений Китая и Запада: новые методологические подходы» в рамках исторической секции, организованный известным специалистом в области духовных связей Европы и Китая **Николасом Стандертом** (Лувенский католический университет, Бельгия). В своем докладе он сделал акцент на анализе уникальных текстов XVII в., написанных китайцами-христианами. Пафос выступления состоял в выдвижении нового методологического подхода к изучению такого рода источников. Стандерт вводит понятие “in-betweenness” (кит. *цзянь*) для обозначения тех процессов и явлений, которые наблюдались «между» пластами западной и китайской культур, возникая в процессе их взаимодействия. Данное методологическое положение и некоторые его аспекты были развиты и обсуждены в выступлениях **Надин Амслер** (Университет Берна, Швейцария) и **Доминика Заксенмайера** (Университет Якобс, Бремен, Германия). Доклад и последующие выступления вызвали много вопросов и активное обсуждение.

Не менее оживленная дискуссия развернулась на заседании другого «круглого стола» — «Традиционная картография», в рамках которого было представлено пять докладов, посвященных различным этапам становления и развития традиционной китайской картографии.

Вопросы изучения китайской литературы были рассмотрены в более чем 50 докладах на секции «Литература», включавшей в себя целый ряд специализированных подсекций: «Современная литература / Театр / Кино», «Традиционная литература», «Классический театр», «Изучение Лу Синя», «Исследования переводов», «Образы Гонконга» и др.

На подсекции «Исследования переводов» доклад **Валери Пеллат** (Школа современных языков, Университет Ньюкасла, Великобритания) был посвящен китайским народным песням для детей и проблемам, связанным с переводом этих песен на английский язык. Докладчик обратила внимание на то, что песни для детей следуют принципам, заложенным в традиционной китайской поэзии. Грамматика этих песен простая, в них отсутствуют личные местоимения, указания на время, род и число. Это затрудняет их перевод на европейские языки, обладающие четкой грамматической структурой, и требует уточнений — введения в перевод личных местоимений, рода, числа, глагольных форм, обозначающих время. Пеллат отметила, что в переводе необходимо отразить, от чьего лица и каким способом ведется изложение. Докладчик также привела примеры собственного перевода на английский язык двух китайских песен для детей — «Маленькая капуста» и «Третья сестра».

О.Н. Борох (ИДВ РАН) выступила с докладом «Янь Фу и первый китайский перевод «Богатства народов»». Было отмечено, что перевод классического труда Адама Смита, выполненный в 1902 г. известным общественным деятелем Янь Фу, рассматрива-

ется в современном Китае как начало проникновения в страну западной экономической науки. Изучение этого перевода позволяет выявить особенности адаптации западной экономической науки к китайскому культурному контексту. В докладе были проанализированы особенности перевода Янь Фу, причины выбора классического вэньяня вместо разговорного языка. Докладчик исследовала трактовку основных экономических идей у Янь Фу и провела сопоставление отдельных фрагментов оригинального текста Смита и его китайского перевода.

Юнь Ануп (Государственный университет Огайо, США) выступила на тему «Рассказ западной истории китайскому читателю — переписанная Линь Шу "Дама с камелиями"». Доклад посвящен опубликованной в 1899 г. в Фучжоу книге «Предание о парижской даме с камелиями» («Бали чахуанной иши»), которая представляла собой переложение на классический вэньянь известного романа А. Дюма-сына. В целях адаптации к китайскому культурному контексту Линь Шу акцентировал некоторые детали, содержащиеся в оригинале, и убирал те, которые были бы непонятны китайским читателем. К примеру, Линь Шу заметно сократил рассказ об обстановке квартиры Маргариты Готье, исключив упоминание о предметах, незнакомых китайскому читателю (мебель Буль, севрские вазы, саксонские статуэтки), а также описание внешности героини (нос, губы, волосы), не соответствовавшее китайским представлениям о красоте. Докладчик подробно проанализировала две первые главы книги на китайском языке, сопоставив их с оригиналом, и продемонстрировала избранную Линь Шу стратегию изложения, направленную на адекватное восприятие французского романа китайским читателем.

Ян Чжэнь (Университет Париж Сорбонна) представил доклад о дискуссиях между двумя китайскими критиками, вернувшимися из Франции — Ма Цзунжуном и Лян Цзундаем, которые велись в 1935 г. на страницах литературного журнала «Вэньсюэ». Темой дискуссий стал вопрос о том, как правильно переводить на китайский язык название комедии Ж.Б. Мольера «Смешные жеманницы» ("Les précieuses ridicules"). Если Ма Цзунжун считал правильным перевод названия книги Мольера как «Странные женщины», то Лян Цзундай предлагал отразить в названии идею жеманности, прециозности. Докладчик показал, как в предложенных критиками вариантах перевода отразились различные литературные концепции, которым они следовали — реализм Ма Цзунжуна и модернизм Лян Цзундая. Было проанализировано различие в видении творчества Мольера сторонником реализма, с одной стороны, и модернизма, с другой, а также показаны судьбы творчества французского драматурга XVII в. в республиканском Китае.

Джонатан Сталлинг (Университет Оклахомы, США) остановился на проблеме передачи звука при переводе, которая рассматривалась докладчиком как часть более общей темы — «Перевод и эмоции». Он подчеркнул особую важность звука и мелодии в поэтическом произведении. Чтобы эмоции, содержащиеся в исходном произведении, могли быть восприняты после его перевода на другой язык, необходимо обращать особое внимание на передачу звучания переводимого текста. По мнению докладчика, английский язык, содержащий много односложных слов, позволяет передать англоязычному слушателю звучание китайского стихотворения. Этот тезис был продемонстрирован на примере выполненных докладчиком переводов китайских произведений на английский язык. Прослушивание китайских стихов и их переводов на английский язык в исполнении докладчика вызвало повышенный интерес у участников работы секции.

Можно отметить, что большое число докладов, посвященных современной литературе, было посвящено восприятию иной культуры в китайских литературных текстах, а также вопросам взаимовлияния литератур и гендерным факторам литературного творчества. Обращает внимание доминирование на этих секциях ученых из Тайваня, Франции и Италии. Вместе с тем, с литературоведческими докладами выступили и российские ученые: **А.А. Никитина** (СПбГУ) «Песня об Оуян Хае: деконструкция идеаль-

ного героя», **А.А. Родионов** (СПбГУ) «Сотрудничество Лао Шэ с китайским правым журналом "Вэнь юэкань"» и **Р.Г. Шапиро** (РГГУ) «Китайская литература на западных языках и для западного читателя».

Особенностью нынешней конференции стало то, что после длительного перерыва, длившегося почти три десятилетия, ЕАК вновь провела конференцию совместно с Европейской ассоциацией синологических библиотечарей (EASL). Заседание библиотечного «круглого стола» вызвало большой интерес и привлекло более 70 чел. Опытном создании информационных баз данных для электронных библиотек поделились специалисты, по сути, новой квалификации — библиотечари-синологи, в совершенстве владеющие электронными технологиями. С докладами выступили библиотечарь-исследователь из Университета Цюриха **Марк Винтер**, который участвует в совместном проекте этого университета и Пекинской библиотеки по оцифровке 2000 единиц древних текстов периодов Сун, Юань, Мин, Цин; **Анна Лабитски-Вагнер** из библиотеки Университета Гейдельберга, участвующая в проекте Китайско-американской электронной академической библиотеки; **Натали Моне** из Национальной библиотеки Франции, занимающаяся созданием баз данных древних манускриптов (в том числе даосских и буддийских) и ксилографий. Выступающие представили новые современные подходы к организации хранения и использования научной литературы по Китаю, ее систематизации.

Для участников конференции было организовано несколько экскурсий. Участники одной из них смогли посетить библиотеку Института Высших исследований Китая (ИНС). Другая экскурсия была посвящена китайской коллекции Музея Гимэ, располагающего одним из крупнейших в Европе собраний азиатского искусства. Этот музей связан с историей отечественного Китаеведения: в 1926 г. там читал лекции по китайской литературе В.М. Алексеев.

На заключительном пленарном заседании состоялись выборы нового правления ЕАК. С рассказом о международном проекте устной «Истории Китаеведения» выступил профессор **Ши Чжунюй** (Тайвань).

Следующая XX конференция ЕАК запланирована в 2014 г. в Португалии — стране, где, по лаконичному определению организаторов будущей конференции, «заканчивается Европа и начинается Китаеведение». Было решено проводить конференцию в двух университетах, расположенных в разных городах. Основная часть заседаний в первые три дня работы форума состоится в Университете Минхо в городе Брага. Завершающий день работы конференции должен пройти в Университете Коимбры. В 2016 г. XXI конференция ЕАК пройдет в России на базе Санкт-Петербургского государственного университета.